

Глава 26

Сергей Довлатов.
Андрей Амальрик.
Выход Запада из Средневековья

После главы о Солженицыне я хотел было продолжать рассказ о деятелях его типа, но передумал, решил дать передышку читателям и себе самому и поговорить о людях иного ряда — о Сергее Довлатове и Андрее Амальрике.

Сближение мое с Довлатовым началось с того, что он стал печатать мои статьи в еженедельнике «Новый американец», который редактировал на рубеже 70—80-х годов.

Нигде моих статей в то время уже не брали, в том числе и в либеральных «Синтаксисе» (супругов Синявских) и «Стране и мире» (К. Любарского). Но, как говорится, мы любим Довлатова не только за это.

Как и когда я познакомился с ним очно, не помню. Скорее всего, на «Свободе» в Нью-Йорке, где Довлатов подрабатывал внештатным «скриптрайтером» (создателем маленьких очерков), в том числе и для моих программ.

В качестве первого знакомства мне запомнился забавный случай. В «Новом русском слове» я прочитал репортаж из современного дома любовных свиданий. Я, помню, поразился, с каким тактом и тонким юмором репортер описал экстравагантные зрелища, представшие его глазам. Имя автора было мне незнакомо.

И вот, идем как-то мы с Анитой и Довлатовым по Нью-Йорку, речь случайно заходит об этом репортаже, и Довлатов вдруг сообщает, что это он его написал, посетив по заданию редакции то смелое заведение. Довлатов часто находился в стесненных денежных обстоятельствах и вынужден был браться за любую журналистскую работу.

Но впервые я хорошо разглядел Довлатова, придя к нему в гости в Нью-Йорке, где он жил в скромном эмигрантском районе Квинс. Довлатов произвел на меня тогда двойственное впечатление: силы и какой-то скрытой за нею слабости. Он был крупным, высоким, слегка восточного вида человеком, и было сразу ясно, что это очень добрый человек с ярким характером. Не было в нем и в помине эмигрантской суеты, завистливости, мелкого болезненного самолюбия. И в то же время в его облике было что-то бомжовое, неблагополучное, и в глазах сквозила какая-то грусть-тоска.

Помню, как он демонстративно выставил нам с Анитой бутылку вина и водку, но себе рюмки не поставил и объяснил: сухой закон! Объяснение это не удивило меня, так как я уже слышал, что он лечится от запоев и чуть ли не «зашился». И возникшее в тот день чувство жалости к нему, ощущение неблагополучия в его жизни не покидали меня в дальнейшем. И у Аниты осталось такое же впечатление.

Его писательство не приносило ему ни доходов приличных, ни большой известности у американского читателя, без чего, собственно, не могло быть и доходов. С поста редактора «Нового американца» его довольно быстро выжали, нагло подсидели коллеги по редакции, новые эмигранты, нажужжав в уши хозяина газеты, дельца из новых эмигрантов, что Довлатов своей редакционной политикой снижает доходность газеты.

«На них очень плохо повлиял капитализм», — написал он мне по этому поводу.

И самое, пожалуй, важное: я понял по его беллетристике, что Довлатов, обладая замечательным талантом, не имел серьезных тем и сюжетов, а следовательно, не мог создавать и значительные образы. Подозреваю, что он и сам это чувствовал, и это было главной причиной его неудовлетворенности жизнью. Он мне написал однажды:

«Что касается моего литературного самочувствия, то проблема известности меня, говоря без кокетства, не волнует (во что поверить невозможно! — В. Б.). Я бы, во-первых, хотел зарабатывать побольше, и то не для себя, в основном, а чтобы облегчить жизнь жене и деткам, а, во-вторых, я бы хотел написать что-то такое, от чего бы сам пришел в восторг. Все остальное несет в себе пародийно-эмигрантский оттенок» (письмо от 7 апреля 1986 года).

Если бы Довлатов мог оставаться в России, если бы он там начал свой литературный путь и прошел бы по нему значительное расстояние, он, может быть, и вышел бы постепенно на крупные темы, сюжеты и образы, но начинать карьеру писателя в чужой стране — дело почти безнадежное. То, чего достиг Довлатов в Америке, это, наверное, максимум возможного, и достичь этого можно было только с его талантом.

Между прочим, и меня почти наверняка ждала бы тяжелая судьба, имей я в эмиграции возможность заниматься прозой: мой литературный путь на родине был слишком коротким.

Хотя дело не только в отсутствии родной почвы. Мелкотемье, на мой взгляд, было проклятием и для большинства писателей, живших в советской России. Здесь сказывался и запрет на многие темы, и отсюда внутренняя цензура, которая страшна не столько сама по себе, сколько своим притупляющим действием на смелость и фантазию писателя, на его наблюдательность. Зачем наблюдать то, о чем нельзя писать! Сказывается и давление русской классики: страшно касаться тем и сюжетов, близких к классическим, соревноваться с великими писателями.

Начав писать в эмиграции, Довлатов не привез с собой и литературного имени, а в русской эмиграции без «имени» — полный «кердык». Никто не поддержит, а ногу — подставят! Не было у Довлатова и диссидентского «партстажа», который в эмиграции имел большее значение, чем стаж для членов КПСС. И он не только не сидел в лагере, но, будучи в армии, служил в охране лагеря! Сколько поводов, чтобы диссидентская братия могла смотреть на него сверху вниз!

В Штатах, рассказывал мне Довлатов, как-то где-то собрались литературно-политические эмигранты либеральной ориентации. Влезает на трибуну Коржавин и начинает поносить Довлатова и редактируемый им «Новый американец». Разойдясь, Коржавин доехал до того, что назвал журнал Довлатова говном. И все молчали. На счастье, в тусовке участвовал недавно прибывший на Запад Владимир Войнович, и он возмутился выступлением Коржавина, осадил его, как он это умеет делать, и потребовал, чтобы Коржавин извинился перед Довлатовым. Войнович приехал на Запад с «именем», и Коржавин оробел и, кряхтя, начал извиняться, но так вывернул свое извинение, что все равно получилось, что и журнал Довлатова и он сам — говно!

Довлатов потом великолепно описал это собрание в маленькой новелле «Старик Коржавин нас заметил...»

Да, из писателей Довлатов и Войнович — единственные, кто вели себя в эмиграции достойно, не холуйствуя, не злобствуя.

Если бы либеральные эмигранты обладали чувством ответственности, болели за развитие демократических настроений в России, они должны были бы не только защитить Довлатова, но и добиваться, чтобы редактируемый им журнал собрал вокруг себя всех демократов в эмиграции и стал бы этаким анти-«Континентом».

Живя по разным сторонам океана, мы с Довлатовым встречались нечасто и дружили в основном «путем взаимной переписки». Приведу наиболее интересные выдержки из писем Довлатова, которые лучше всего характеризуют его, а заодно и новую эмиграцию.

Из письма от 26 ноября 1983 года (мы с Довлатовым были еще на «Вы»):

«Вы почти не имели со мной дела в качестве автора, потому я хочу вас предупредить: если скрипт не годится (не то направление, качество и пр.), бросьте его мозолистой рукой в корзину, и в результате никаких обид не будет, а будет новый скрипт, может быть, получше этого. Надеюсь, отношения всегда будут простыми.

Передайте большой привет Георгию Владимову, и если сочтете это удобным, расскажите ему такую историю. Когда мне было 12 лет, я дружил с Андрюшей Черкасовым, сыном знаменитого актера. И вот однажды на даче у Черкасовых, где я проводил лето в качестве разночинца, знакомого бедняка и маленького гувернера, появилась красивая девочка — Наташа. Думаю, что она была на год или на два старше меня. Я сразу же в нее влюбился, и несколько дней мы трое провели вместе: играли в волейбол, беседовали и ели на веранде мандарины. Помню также, что мы с Андрюшей фехтовали какими-то рейками, состязаясь в удали, ну и так далее. Девочку звали Наташа Кузнецова, и меня очень волновало ее простое русское имя, потому что я был полуевреем, и в то время нес в себе тяжелый национальный комплекс, а может быть несу и сейчас. Никогда в жизни я больше Наташу Кузнецову не видел, но воспоминание о ней довольно долго и довольно много значило в моей жизни. Боюсь, что это почти необъяснимо, но это так. И вот недавно мой отец, который знал Евгения Кузнецова, специалиста по театру, цирку и эстраде, объяснил мне, что его дочь — Наташа, вернее, Наталья Евгеньевна — жена писателя Владимова. Вот, собственно, и все. Я не думаю, чтобы Наташа помнила мое имя, но, может быть, она помнит начитанного мальчика на даче у Черкасовых. И еще, если у Владимовых есть лишняя семейная фотография (на Западе это бывает), то я очень хотел бы ее получить».

Не правда ли, удивительно красивое, тургеневское, я бы сказал, письмо, и оно очень многое говорит о Довлатове.

Из письма от 18 ноября 1984 года:

«Вернемся к благородной теме холуйства. Для меня было совершенно очевидно, что люди уезжают на Запад с единственной целью: никогда не принадлежать ни к каким партиям, высказываться от собственного имени, совершать ошибки, каяться, снова их совершать. Вообще я считаю, что право на заблуждение — главная потребность творческого человека, иначе все захиреет и кончится. Человек, лишенный права на ошибку, — раб, а человек, добровольно лишившийся этого права, — хуже, чем раб, то есть — шут и холуй. В Нью-Йорке таких сколько угодно.

Предвыборная кампания в «Новом русском слове», в ходе которой Мандейл изображался чуть ли не уголовным преступником, — была абсолютно позорной.

Я всегда считал и продолжаю считать «НРС» — главным источником зла в эмиграции, потому что Седых¹ — не фанатик, не идейный болван, не подневольный человек, а спекулянт, деляга. Не знаю, как в Европе, а в Америке русские бизнесмены — самая отвратительная прослойка.

К счастью, мне удается зарабатывать на жизнь в качестве беспартийного строкогона, но если бы эта возможность пропала, я лучше бы стал государственным паразитом или сел (не в первый раз) на шею жене, но изгибаться я уже не в силах. С искривленным позвоночником можно дивно жить в Ленинграде».

Из письма от 7 декабря 1974 года:

«Если уж ты упомянул своего отца (ведь ты сын, а не племянник, как мне говорили — Билля-Белоцерковского?), то с ним у меня связано очень сильное юношеское переживание. Дело в том, что я с ранней юности обожал западный стиль в литературе, и даже не мог приступить к писательству, потому что изнывал от мысли, что моих героев будут звать: Петр Иванович, Вася, Зина и т. д., а мне бы хотелось: Крошка-Дуглас или Верзила-Гаррис. Так вот, существовало два русских писателя — Александр Грин и Билль-Белоцерковский, которые имели возможность писать не про Васю, а про Верзилу-Гарриса, и я им дико завидовал. Надо бы, вообще, перечитать Белоцерковского».

Из письма от 29 января неизвестного года (Довлатов по советской привычке никогда не проставлял дату на письмах!):

«Получил твой комментарий к моему довольно несуразному произведению («скрипт» для моей программы. В.Б.), все очень убедительно и толково. Может ты действительно — большой человек и государственный ум? В конце концов меня лично социализм с человеческим лицом более или менее устраивает, как и любой другой порядок, при котором не будет страха и зависимости».

Недавно со мной беседовала одна туземная журналистка и спросила, поеду ли я в СССР, если там произойдут демократические перемены? Я стал мяться, потому что не решился ей сказать: «Если в СССР произойдут изменения, то туда первыми хлынут Максимов с Глезером и тотчас засрут все в радиусе 100 000 километров».²

Мне очень стыдно, но этих людей я боюсь куда больше, чем Черненко, который по старости, сановитости и лени мог бы и не обратить на меня внимания, а уж Глезер точно найдет меня даже в тундре и безжалостно раздраконит. Все это довольно грустно...»

Из письма от 10 января 1985 года:

«Я понимаю (насколько вообще можно понять чувства другого лица), что испытывает человек, у которого есть идеи, который уверен в своей правоте и которому вешают на губу амбарный замок, вытесняют из массовых органов и т. д. Наверное, призывать в такой ситуации

¹А. Седых, напомним, был редактором и издателем газеты «Новое русское слово»(НРС). В молодости служил литературным секретарем у Ивана Бунина. По натуре — бизнесмен одесского типа. Насчет того, что НРС — главный источник зла в эмиграции, можно говорить, лишь живя вдали от Европы, где находились главные силы политэмиграции и ее пресса.

²Александр Глезер — торговец картинами и редактор журнала и издательства «Третья волна», «человек» Максимова и Солженицына. Знаменит среди прочего тем, что на пресс-конференции Максимова в Париже провозгласил на полном серьезе: «Смерть Синявскому и всем врагам Максимова!»

к миролюбию — глупо. Конечно, если бы мой друг отстранил меня от своего журнала, замолчал бы, скрылся — я бы не оставил это без внимания. И все же я надеюсь, что недоразумение разъяснится.¹

Владимов мне очень понравился, и я считаю чересчур большой роскошью рвать в нашем возрасте отношения со старыми друзьями. То, что я поругался с Лосевым, не меняет отношения к проблеме в целом. Ни для кого и никогда я примером не являлся, и собственную жизнь образцом вовсе не считаю. Попросту говоря, мне жаль, что хорошие люди разъединяются, а плохие, даже презирая друг друга, мудро объединяются.

То, что ты занимаешься идейной работой, не только не смешно, но и вызывает всяческое уважение. В Америке даже Борис Парамонов, бывший негативный идеалист и мой старинный антиприятель, говорит только о заработках, и думает примерно о том же...

От души желаю тебе бодрости в идейных сражениях, а с Владимовым, хочу надеяться, что-то прояснится».

Из письма Довлатова от 15 февраля 1986 года:

«Дорогой Вадим!

Ничего не заставит меня вылезти из убежища глубокого пессимизма, тем более что жизнь этим настроениям способствует. Все мои западные книжки экономически провалились, новых контрактов не будет, переводчица снова родила и возится с младенцем, родители болеют. Я уже года два ощущаю, что со мной происходит что-то важное. И наконец понял, что именно. Когда меня лет двадцать не печатали, я бессознательно мог верить в свою неординарность и бессознательно же рассчитывать — вот напечатают, и все изменится. Сейчас все напечатано, высшей гениальности во мне не обнаружилось, никого и ни в чем убедить мне не удалось, газета, в которую я вложил лучшую часть души и остатки идеализма, провалилась, друзья (Вайль и Генис, к примеру) — надули, бросить журналистскую халтуру на радио я не могу, и так далее. К счастью, родился наш сынок + улучшаются, как ни странно, год от года мои отношения с женой. Вот куда-то сюда и передвинулся источник радости. Но я все еще не готов сместить эпицентр моих посягательств, перенести его с литературы на семью, природу, автомашину и даже на свободу. Короче, я продолжаю внутренне жить как недооцененный и замалчиваемый крупный литератор, будучи в действительности — сдержанно оцененным и не слишком крупным.

Вероятно, ты родился деятелем, борцом, у тебя есть какие-то социальные интересы, а писательство для тебя — лишь инструмент этой самой деятельности. Дай Бог тебе сохранить твою разительную молодость, навыки зимнего спорта, веру в социальные преобразования. Кто-то должен об этом думать и всем этим заниматься, таких людей можно только уважать. ...

«Партизан-ревью», действительно, солидный журнал, а его редактор Филипп — умный и значительный человек, я его знаю. Он на удивление разумно судит о вещах, средним американцам абсолютно неведомых. Умный и очень мужской старик.²

¹Речь идет о моем конфликте с Владимовым, который став главным редактором журнала НТС «Грани», отстранил меня от журнала, хотя ранее приглашал к сотрудничеству. Очевидно, хозяева не рекомендовали.

²Речь о публикации в этом журнале двух моих статей.

Говорят, Владимова терзает НТС, вплоть до сердечных приступов.¹

Вот бы тебе написать ему по-христиански примирительное письмо, но ты ведь воин и дуэлянт.

Я бы написал — не падай духом, но ты и так не падаешь, судя по всему».²

В ответном письме от 27 февраля 1986 года я постарался как мог подбодрить Довлатова. В частности, напомнил ему, что один видный американский славист поставил его выше Солженицына по таланту, с чем и я совершенно согласен, имея в виду западные сочинения Солженицына. Я советовал Довлатову запастись терпением, писал, что уверен, что его рано или поздно оценят по достоинству.

Ответил я ему и по поводу его предположения, что я «родился деятелем и борцом»:

«Не родился я быть «деятелем и борцом». Для этого у меня не хватает быстроты ума и способности пережевывать свои промахи, да и самоуверенности очень не хватает, а следовательно и способности влиять на людей, подчинять своей воле и т. д. Очень знаком мне и страх, хотя длится он обычно недолго. «Борцом» приходится быть поневоле. И чтобы свое детище (идеи) сохранить, и себя защищать. Если бы я был в чешской эмиграции, либо если бы на Западе были Сахаров и Орлов, бороться мне не нужно было и я только «крапал бы свое заветное», как ты однажды мне советовал. Вот в области мысли я могу бороться!»

Насчет Владимова я написал, что «так как я все-таки не «воин», и не «дуэлянт» тем более, то я попробую твоему совету последовать. Спасибо тебе!».

Но мои усилия ободрить Довлатова не увенчались успехом.

Из письма Довлатова от 20 сентября 1986 года:

«Дорогой Вадим, прости, что молчу. Настроение гнусное. Лето прошло в бездельи, жратве, самобичевании — ничего не писал, кроме радиоскриптов, долги растут, творческие потенции вянут, агент мне перестал звонить, «Кнопф» нового контракта не подписывает, правда, «Ньюйоркер» напечатал еще два рассказа (наверное, в пику Максимову).

В Нью-Йорке все разобщены, заняты собой, ничего не происходит. Судя по всему, у вас в Европе жизнь куда более насыщенная. Сатира Войновича,³ (среди прочего на Солженицына) не вызвала здесь абсолютно никакой реакции. Невозможно поверить, что пять лет назад самая мягкая, с бесчисленными почтительными оговорками, критика на Солженицына приводила к фигуральным и фактическим дракам. В частности, два неумных легковеса, Саша Глезер и Юра Штейн, кого-то били или пытались бить за неуважение к святыне.

Короче, я ушел в частную жизнь, получил в подарок трехмесячную таксу, назвал ее Яша, полное имя Яков Моисеевич — в честь А. Седыха, и решил ничего не писать, пока оно само не устремится наружу. А если не устремится, то и черт с ним, нечего тогда и огород городить.

Очень рад, что вы помирились с Владимовым. Ситуация с «Гранями» для меня совершенно ясна.⁴

В конфликте творческой личности с организацией я всегда буду на стороне творческой личности.

¹НТС уволил тогда Владимова с должности главного редактора «Граней».

²Речь о моем конфликте с руководством «Свободы», в результате которого я был уволен с работы.

³«Москва 2042».

⁴Имеется в виду увольнение Владимова с поста главного редактора «Граней».

Кублановский, и стихами, и лично, всегда вызывал у меня чувство неловкости. Всякое афишируемое православие мне неприятно. В его стихах много фальши, а в поведении — ханжества. Кроме того, молитвенное отношение к Солженицыну выглядит в Америке примерно так же, как восхищение Чапаевым или Щорсом — тот и другой фигуры трагические, но почему-то над ними все смеются.

Вадим, я очень уважаю тебя за то, что ты не теряешь запальчивости, по-прежнему деятелен и воюешь со злом. Я же решил сдаться, капитулировать.

Тем не менее, всех деятельных людей приветствую и обнимаю».

В ответ я написал Довлатову, что «завидую ему и уважаю его за жизненную силу, так как у меня не хватило бы сил жить, если бы я сдался».

Увы, не хватило их, видимо, и у Довлатова. Вскоре после этого письма его не стало. Поначалу я даже подумал, что он покончил с собой. Говорили, что он опять начал пить, и сердце однажды якобы не выдержало нью-йоркской душной жары. Может быть. Но в любом случае подкосила его, задушила эмигрантская среда. Довлатов был человеком с тонкой кожей и очень страдал от окружавшего его непотребства и жестокости.

Нужно было умереть Довлатову и пасть тоталитарному режиму в России, чтобы его произведения приобрели широкую известность. Ирония состоит в том, что сейчас его книги читаются куда больше, чем книги почти всех «классиков» эмиграции, которые смотрели на Довлатова сверху вниз и позволяли себе оскорблять его!

Андрей Амальрик

Амальрика, как и Довлатова, я считаю одним из немногих порядочных людей в эмиграции. И он тоже был человеком трагической судьбы, хотя был сильным и смелым бойцом и никогда не сдавался. Из-за чего, в сущности, и погиб!

Амальрика, как и Довлатова, отличали интеллигентность, благожелательность, отсутствие суевы и завистливости. Интересно, что иные политэмигранты побаивались Амальрика, считая его дерзким, а то даже и хамом. Но со временем я понял, что дело было в том, что Амальрик просто не проявлял никакого подобострастного пиетета к эмигрантским авторитетам, к «элите», и говорил этим людям в лицо то, что о них думал, спокойно, без грубостей, но тем более это воспринималось как дерзость.

Как поэма звучит его биография, написанная, очевидно, им самим для книги «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». Она очень много говорит об Амальрике. Приведу ее с небольшими сокращениями.

Андрей Алексеевич Амальрик родился в 1938 году в Москве, в семье историка. (Фамилия его — от дальнего предка, наверное, француза. — В. Б.) Учился в Московском университете на истфаке. Проучился два года и был исключен за работу «Норманны и Киевская Русь». (Возвеличил роль норманнов в создании русского государства! — В. Б.) Через два года он снова поступил в МГУ. До и после университета работал картографом, медицинским лаборантом, строительным рабочим, осветителем на кинохронике, переводчиком технической литературы, газетным корректором, хронометристом на автогонках, натурщиком, давал уроки математики и русского языка. В 1963—1964 годах написал пять пьес, ни одна из которых не была постав-

лена или напечатана. 1965 году был заключен в тюрьму по обвинению в том, что его пьесы носят «явно антисоветский и порнографический характер». Однако уголовное дело было прекращено и тюрьма заменена ссылкой в Сибирь (как тунеядца. — В. Б.) на 2 года. Историю своей ссылки описал в книге «Нежеланное путешествие в Сибирь», которая в 1970 году вышла в Голландии. После ссылки работал в Москве журналистом для АПН, специализируясь в области театра и живописи. В июле 1968 года, вдвоем с женой, пикетировал английское посольство, протестуя против поставок оружия правительству Нигерии и стремясь привлечь советское общественное мнение к бедственному положению населения Биафры. (Там нигерийские войска учинили геноцид. — В. Б.) В конце того же года по распоряжению КГБ был устранен от работы в АПН и работал почтальоном. Сейчас, в терпеливом ожидании нового заключения, занимается разведением огурцов и помидоров. (Типичный стиль Амальрика! — В. Б.)

И заключение последовало. В 1970 году Амальрик был приговорен к трем годам лагерей за «антисоветскую пропаганду и агитацию», а именно за публикацию на Западе книги «Просуществует ли Советский Союз...», получившей всемирную известность.

В конце срока (в 1973 году) Амальрику прямо в лагере «наварили» еще три года за плохое поведение, из коих он отсидел полтора года. (В 1976 году вынужден был эмигрировать.)

Еще больше говорят об Амальрике его произведения и их стиль — спокойный, без эмоций, ясный, лаконичный и с удивительной поэтической ритмикой. Приведу несколько коротких отрывков из «Просуществует ли Советский Союз...».¹

Из вступления:

«Я хочу подчеркнуть, что моя статья (так Амальрик называет эту книгу. — В. Б.) основана не на каких-либо исследованиях, а лишь на наблюдениях и размышлениях. С этой точки зрения она может показаться пустой болтовней, но — во всяком случае для западных советологов — представляет уже тот интерес, какой для ихтиологов представила бы вдруг заговорившая рыба».

Углубимся в текст книги.

«Итак, во что же верит и чем руководствуется этот народ (русский) без религии и морали? Он верит в собственную национальную силу, которую должны бояться другие народы, и руководствуется сознанием силы своего режима, которую боится он сам» (с. 36).

«Массовой идеологией этой страны всегда был культ собственной силы и обширности, а основной темой ее культурного меньшинства было описание своей слабости и отчужденности, яркий пример чему — русская литература» (с. 56).

По смелости такого видения страны и ее истории напрашивается сравнение с Чаадаевым. И как в случае с Чаадаевым, необходимо решительно отвергнуть обвинение Амальрика в русофобии и отсутствии патриотизма. Можно считать иные оценки Амальрика слишком мрачными (и я так считаю!), но ненависти к России и русскому народу за ними нет, и нет заведомо лживых обвинений. Амальрик не приписывает русским заговора против мира, не утверждает, что они владеют мировыми капиталами и прессой, убивают лучших людей других народов и т. п. Амальрик считает, что главными врагами русских являются сами русские, с их поклонением силе и начальству, с великодержавной психологией и отсутствием уважения к личности, в том числе — и самоуважения.

¹Избранные произведения. М., 1962. Т.1.

²Амстердам: Фонд им. Герцена, 1970.

При этом и нардофобии у него нет: он критикует все слои русского общества, и более всего — интеллигенцию. За его критикой — боль за несчастную страну.

Но приведу еще одну цитату.

«Хотя научный и технический прогресс меняет мир буквально на глазах, он опирается, в сущности, на очень узкую социальную базу, и чем значительнее будут научные успехи, тем резче контраст между теми, кто их достигает и использует, и остальным миром. Советские ракеты достигли Венеры — а картошку в деревне, где я живу, убирают руками. Это не должно казаться комичным сопоставлением, это разрыв, который может разверзнуться в пропасть. Дело не столько в том, как убирать картошку, но в том, что уровень мышления большинства людей не поднимается выше этого «ручного» уровня» (с. 65).

За этим уже предчувствие трагедии 11 сентября 2001 года! и параллель с моей гипотезой о возможности самоубийства человечества.

После того как Карл ван хет Реве опубликовал книгу Амальрика в Голландии, она получила очень большой резонанс на Западе и была издана на многих языках. Западные социологи встретили книгу с глубоким вниманием и восхищением перед смелостью автора. Опубликовано было много статей об этой работе. Старая же русская эмиграция с примкнувшими к ней новыми эмигрантами подняла свой обычный крик: русофоб, агент КГБ и т. д. В клевете на родину социализма стали обвинять Амальрика и марксистские догматики на Западе, а значительная часть либеральных диссидентов в России и в эмиграции возмутились критикой в адрес интеллигенции, высокомерным, в их понимании, тоном книги, и обвинили автора в авантюризме и эпатаже, имея в виду его предсказание распада СССР после 1984 го-

да и захвата Китаем Сибири. Иные вообще посчитали Амальрика удачливым выскочкой. Но после того как он был арестован и осужден за публикацию своей книги, недоброжелатели прикусили язык, однако, как потом стало ясно, успеха Амальрику не простили. (Вспомним ван хет Реве: «В русской эмиграции малейший успех одного воспринимается всеми как личное оскорбление!».)

Дату предполагаемого распада СССР Амальрик, как он сам говорил, назвал по интуиции, но совпадение с реальностью вышло поразительное. Разница в несколько лет — в масштабе истории — ничтожная величина. Но еще больше впечатляет спокойная уверенность Амальрика в неизбежности крушения казалось бы незыблемой великой державы: «Я не сомневаюсь, что эта великая восточнославянская империя, созданная германцами, византийцами и монголами, вступила в последние десятилетия своего существования. Как принятие христианства отсрочило гибель Римской империи, но не спасло ее от неизбежного конца, так и марксистская доктрина задержала распад Российской империи — третьего Рима — но не в силах отратить его» (с. 64).

Сложнее с тезисом о неизбежном захвате Зауралья Китаем. Амальрик выводил эту перспективу из демографических соображений: Китаю грозит перенаселенность, а Сибирь — необычайно пустынна, и население там растет очень медленно. Как и многие, я скептически относился к этому прогнозу Амальрика, но теперь, когда в результате установления в России феодально-капиталистического строя (разрушительного, античеловеческого) население Сибири стало быстро уменьшаться, я изменил свое мнение.

И я боюсь, что с этими и со многими другими предсказаниями Амальрика может случиться то же, что часто случалось с продуманными предсказаниями: они сбывались, но, как прави-

ло, много позже, чем предполагали авторы прогнозов. Людям свойственно спешить в таких случаях со сроками, они невольно соизмеряют свои прогнозы с масштабом своей жизни.

Но я предлагаю читателю поставить себя на место Амальрика в 1969 году (когда писалась книга), и если это ему удастся, читатель поймет, какой беспримерной смелостью мысли и верой в свою логику должен был он обладать, делая свои прогнозы.

Между прочим, тезис Амальрика о китайской угрозе позаимствовал потом Солженицын (см. «Письмо к вождям» и т. д.), но, разумеется, без ссылки на автора и с немислимым идеологическим обоснованием конфликта — как столкновения советского и китайского коммунизма.

А теперь о судьбе Амальрика в эмиграции. Перед выездом Сахаров доверил Амальрику быть одним из его представителей за рубежом. Сначала Амальрик оказался в США, потом переехал во Францию, в Париж. И вскоре учинил там единоличную демонстрацию: пикетировал дворец президента с требованием, если мне память не изменяет, выступить против политических репрессий советских властей. И тут на него бешено накинута Максимов со своей командой, обнародовал заявление для прессы, в котором обвинил Амальрика в том, что он, не согласовав с ним своих действий, нанес вред их, Максимова с командой, многолетней работе по установлению контактов с французскими властями.

Я тогда шутил, что Максимов, в отличие от большевиков с их принципом «Кто не с нами, тот — против нас!», исповедует принцип: «Кто не подо мной, тот против нас!» (Я потом продолжил этот фольклор. Для Солженицына: «Кто не со мной, тот против русского народа!». Для «рехтс-радикалов» из старой эмиграции: «Кто не с нами, тот еврей!».)

Между тем конфликт Амальрика с Максимовым начал раскручиваться. Амальрик выступил в западной прессе с критикой «Континента», Максимов дал ему «достойный ответ», заявив, что выступление Амальрика против «Континента» «странным образом» совпало с атакой советской прессы против журнала и его ведущих авторов, что было враньем, так как советская атака на самом деле шла против «Свободы» и ее авторов, среди которых были и ряд авторов «Континента».

Максимов выпустил в бой против Амальрика и своих сателлитов. Отличился Анатолий Гладилин, входивший тогда в максимовскую свиту. Он написал в своей статье, что у него был знакомый из КГБ, который любил говорить: «Я в случайности не верю, потому что я их организую!». То есть критика со стороны Амальрика, якобы совпавшая «случайно» с атакой советской прессы, инициирована из КГБ!

И вскоре подошло время проведения ежегодных «Сахаровских слушаний» — главного события для эмигрантов-правозащитников, на которое обращали внимание и западные массмедиа. Слушания проводились каждый раз в разных странах и городах. В данном случае, в 1980 году, они должны были пройти осенью в Мадриде. Оргкомитет Слушаний составлялся совершенно непонятным образом из числа людей, далеких по духу от Сахарова, — из правых западных политиков и старых эмигрантов, таких, например, как антисемитка графиня Шаховская, — и находился, естественно, под большим влиянием Максимова (который, по существу, не имел никакого отношения к правозащитникам в СССР). И в 1980 году по воле Максимова оргкомитет не включил имя Амальрика в список приглашенных на Слушания. При том, что Амальрик недавно приехал на Запад и ему было что рассказать о положении в СССР. Отвечал он, казалось бы, и всем критериям для вхождения в политэмигрантскую элиту: имел большой

диссидентский «партстаж», и отсидки, и «имя», но уж слишком он был ярким и в отличие от большинства диссидентов способен был генерировать идеи. Члены оргкомитета, вероятно, не только побаивались противоречить Максимову, но и сами, наверное, опасались, что Амальрик может учинить какой-нибудь «скандал» на Слушаниях — выступить остро, несогласованно, без почтения к ним, и главное, сможет отвлечь внимание прессы на себя, так как его известность на Западе тогда была весьма велика. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что Амальрик не примыкал ни к одному из эмигрантских кланов, был независимым «котом, который ходит сам по себе».

Как бы там ни было, Амальрика «стацили с трибуны» (вспомним первую пресс-конференцию правозащитников-эмигрантов в Риме!), точнее, не пропустили на трибуну.

Однако он был не из тех, кого это могло бы смутить и остановить. Он принял решение поехать в Испанию без визы. Визы он не имел, так как не состоял в списке приглашенных, а для приобретения туристской визы у него уже не оставалось времени. (Тогда во многие страны, в том числе и в Испанию, туристских виз надо было ждать очень долго — неделями.) Амальрик решил попытаться пересечь границу по какой-нибудь проселочной дороге, на которой нет пограничного поста, и в Мадриде на Слушаниях добиться слова, а в случае неудачи — провести свою пресс-конференцию. Амальрик хотел в глазах западной общественности дезавуировать Максимова как представителя советских диссидентов, которых он всячески позорил своими выступлениями и поведением, хотел говорить о том, что Максимов отталкивает западные демократические круги от помощи диссидентам-правозащитникам в России. Амальрик был человеком долга, считал необходимым всячески помогать находящимся в России диссидентам. При его известности на Западе он способен был нанести серьезный удар по имиджу Максимова.

Незадолго до начала «Сахаровских слушаний» в Марселе состоялась конференция о рабочем движении в СССР, организованная французскими советологами левой ориентации. На нее Амальрик был пригласен, как и я. И там мы с ним в последний раз встретились. Амальрик приехал в Марсель со своей женой Гюзель на недавно купленной машине с недавно полученными водительскими правами. И из Марселя после окончания конференции он планировал выехать в Испанию.

Машину он приобрел на гонорары, весьма немалые, за публикацию книги «Просуществует ли Советский Союз...», изданной во многих странах мира. Отмечу тут, что у Амальрика во внешности и в поведении не было никаких черт, характерных для людей, много времени проведенных в тюрьмах и лагерях. Амальрик выглядел как молодой западный университетский ученый, доцент или аспирант.

Вечер после окончания конференции мы провели с Амальриком и Гюзель, что называется, за бутылкой вина! Говорили мы о многом, в том числе и о положении в русской эмиграции. Амальрика очень впечатлил мой рассказ — для сравнения — о чехословацкой эмиграции. Он попросил меня свести его с кем-нибудь из чехословаков, и я ему это обещал сделать при первой же возможности. Амальрик выдвинул также идею, которая и у меня брезжила, создания объединенного российско-чехословацкого демократического журнала — в противовес «Континенту» и периодике НТС. Я пригласил Амальрика в гости, в Мюнхен (заодно и на РС), чтобы там и с эмигрантами из ЧССР встретиться.

Зашла речь о взглядах Солженицына, Максимова и правого большинства эмиграции на положение в Испании и Португалии, где незадолго до того были ликвидированы фашистские

режимы Франко и Салазара. Солженицын и его сателлиты положительно относились к этим режимам, как к наименьшему злу (уже тогда появилась такая оценка!), их устранение сравнивали с февральской революцией и предрекали установление в этих странах коммунистических режимов!

Амальрик высказал мнение, что Солженицын и иже с ним не коммунистов тут боятся, а укрепления демократических и правовых порядков в новых странах. Они спят и видят крушение ненавистной им демократии...

Наша беседа с Амальриком имела необычный для российской среды характер: мы дополняли и подталкивали друг друга к новым мыслям. В российской интеллектуальной среде собеседники слушают друг друга, как правило, только с тем, чтобы найти зацепку и начать выражать свое несогласие, начать спор «бессмысленный и беспощадный».

Так, говоря о наших правых радикалах, мы с Амальриком пришли к мысли, что их можно охарактеризовать как «протофашистов», возникших в предчувствии гибели российской империи — для ее спасения, для ее цементирования каким-то русским суррогатом православного фашизма взамен выветрившегося цемента марксистских идей. И мы пришли к единому мнению, что им, «протофашистам», не удастся выполнить свое предназначение. Среди нерусских народов, включая славянские, накопилось столько неприязни к России, что при серьезном ослаблении тоталитаризма российско-советская империя неминуемо развалится, как это едва не произошло после Февральской революции с царской империей. Но к жертвам и потрясениям их, «протофашистов», пропаганда все же может привести, особенно если нынешние власти попытаются разыграть великодержавную карту и возьмут их «идеи» на вооружение.

Империя обязательно развалится еще и по той причине — это было моим дополнением, — что за национально-освободительными мотивами в конце XX века встает и стремление образованных людей, число которых резко возрастает, к свободе в проявлении всяческой инициативы, к свободе самоутверждения, утесняемой имперским центром, российской бюрократией.

Амальрик, между прочим, спросил меня, не станет ли играть цементирующую роль строй кооперативного социализма, если он возобладает в СССР? Я отвечал, что строй этот, на мой взгляд, имеет шансы лишь в развитых, т. е. в славянских республиках, да и они в этом случае смогут остаться в объединении только на конфедеративных основах. Трудовое самоуправление не совместимо с централизованной и авторитарной структурой на всех уровнях и в любом виде.

Так проговорили мы до позднего часа и простились в надежде на скорую встречу. Рано утром Амальрик с Гюзель уехали пробиваться в Испанию, а я отправился в Мюнхен, чтобы вернуться на работу. С Амальриками поехали Виктор Файнберг и Владимир Борисов, также участвовавшие в марсельской конференции и не имевшие приглашения на «Сахаровские слушания».

Вернувшись в Мюнхен, я узнал, что Амальрик погиб в автомобильной аварии в тот день, когда я возвращался в Мюнхен.

Потом Файнберг и Борисов рассказали мне, как все произошло. Они долго не могли найти проселочной дороги без пограничного контроля и много часов ездили в горах, пока не отыскали, наконец, щель в пограничной линии. Спустившись с гор в Испанию, они пообедали в придорожном ресторане и без отдыха поехали дальше, чтобы до ночи добраться

до Мадрида. После еды усталость еще усилилась. В какой-то момент Амальрик выехал на середину шоссе, и его машину по касательной задел встречный грузовик. Машину отбросило на обочину, мотор заглох. Гюзель повернулась назад и спросила Борисова и Файнберга, целы ли они? И только потом посмотрела на притихшего мужа и поняла, что он мертв.

Вдоль кабины встречного грузовика была прикреплена для красоты металлическая рейка, и она при столкновении отщепилась от кабины и проткнула Амальрику горло. Не помню, было ли открыто окно Амальрика или рейка пробила стекло. К моменту столкновения Амальрик провёл за рулем около двенадцати часов, будучи при этом начинающим водителем.

Борисов казнился: «Я решил, что Андрей уже мертв, и занялся Гюзель, а надо было бы попробовать опустить Андрея вниз головой, чтобы из горла вытекла кровь, от которой он, возможно, задохнулся». Борисов когда-то работал санитаром и знал, что такое бывает.

Эмиграция встретила смерть Амальрика звенящей тишиной. Никто даже голоса не поднял, чтобы потребовать провести расследование, как могло случиться, что Амальрик не получил приглашения на «Сахаровские слушания»?

Тогда я впервые осознал, что даже правозащитная, либеральная, демократическая российская эмиграция представляет собой сообщество людей, в подавляющем большинстве нравственно неменяемых. Жестокое, холуйское сообщество.

В описываемое время, боясь впасть в агентоманию, я думал, что Максимов воевал с Амальриком исключительно по своей злобности и тщеславному, но теперь я думаю иначе.

Почему я не выступил с требованием расследования? Да потому, что по прошлому опыту знал, что мой голос на «либерал-демократов» не повлияет. Я уже обращался к ним безуспешно, если помнит читатель, с призывом что-то сделать, чтобы остановить очернение «Свободы» Максимовым и Солженицыным.

Почему не получили приглашения на Слушания Файнберг и Борисов? Элита эмигрантов-«демократов» считала их несерьезными людьми, и они в известном смысле были таковыми, но в августе 1968 года того же Файнберга «серьезные» диссиденты почему-то не исключили из числа участников исторической демонстрации на Красной площади (в знак протеста против оккупации Чехословакии)!

Ни разу не приглашали на Слушания и меня. Я был однажды на Слушаниях в Лиссабоне, но в качестве корреспондента «Свободы».

Не пригласили меня даже на Слушания 1981 года в Вашингтоне, посвященные рабочему движению в СССР! Это при том, что я единственный в то время на «Свободе» и в эмиграции профессионально занимался рабочим вопросом, брал интервью у рабочих диссидентов из соцстран, владел большим архивом документов, вел передачи о рабочем движении. Незадолго до вашингтонских Слушаний опубликовал работу «Рабочие волнения в СССР в начале 60-х годов», которая в течение двух лет печаталась на Западе: в США (1978), в Италии, Англии, Франции (1980), и уже в перестройку ее у меня взял журнал «Новое время».

Мне говорили, что представители Солженицына в оргкомитете потребовали не включать меня в список приглашенных. И их отношение ко мне было вполне понятным, непонятно было только, какое отношение они имели к «Сахаровским слушаниям» и рабочему вопросу? Почему входили в оргкомитет?

Для сравнения вернусь к чехословацкой эмиграции. Там вообще не существовало пригласительной практики, кто хотел, тот и приезжал. Расходы на поездку и пребывание на конференциях оплачивались в зависимости от финансовых возможностей — целиком или частично, всем или только докладчикам и нуждающимся — студентам, новым эмигрантам. Царила братская атмосфера, не клановая. Приглашения направлялись только посторонним, из других эмиграций или западным деятелям. Я, в частности, бывал приглашаем почти на все крупные чехословацкие съезды. Помню, в 1983 году чехословаки пригласили меня на свою конференцию в Баварии в местечке Франкин. Устраивали ее правые чехи, даже церковные, и на деньги правых баварских кругов. И кого же я там увидел среди участников?

Зденека Млинаража, бывшего секретаря ЦК КПЧ, и Милана Горачека, депутата бундестага ФРГ от партии «зеленых», которую в русской эмиграции ненавидели, как и коммунистов. (Горачек, напомню, был также редактором немецкой версии пеликановского журнала «Листы».) Такой плюрализм удивил даже меня, хорошо знавшего чехов и словаков.

Перечитал сейчас текст о Довлатове и Амальрике, и так стало грустно, что их уже нет... на этой земле. Оба ушли еще такими молодыми, в расцвете сил и лет. Хотел было сказать: «нет с нами», но остановился: с кем — с нами?!

Выход Запада из Средневековья

В беседе с Амальриком в Марселе и как бы продолжая ее про себя после его гибели, я осознал чрезвычайно важное обстоятельство — осознал, что лишь после окончания Второй мировой войны начался выход из Средневековья, и то только на Западе. Статью на эту тему «Революция и эволюция» опубликовал Довлатов в «Новом американце» (Нью-Йорк, 1982. № 104); до того она была напечатана в чехословацкой и украинской прессе (эмигрантской).

Изложу в сжатом виде ход моих рассуждений.

Русские националисты во главе с Солженицыным кричат о падении морали на Западе, о его бездуховности и т. д. «Запад в сегодняшнем виде не может выжить!» — прогнозирует Солженицын.

Всего каких-нибудь 60 лет назад бушевала война между западными странами, унесшая 55 миллионов жизней, до того по Европе расползалась коричневая чума фашизма и нацизма, экономику сотрясали чудовищные кризисы, еще раньше — полыхала Первая мировая война из-за передела колоний, процветала невыносимая эксплуатация рабочих и крестьян, грабеж колоний и кровавые подавления восстаний в угнетенных странах, сотрясали мир революции. Дальше в глубь веков идти, думается, нет смысла. И что же — тогда положение было лучше, чем теперь?

Да, и сейчас в мире, в том числе и западном, продолжают существовать тяжелые проблемы и пороки, прежде всего, вот — зажившийся на свете капитализм, но происходят и колоссальные положительные сдвиги, которые невозможно не замечать при нормальном зрении. Немыслима стала война между западными странами, Западная Европа превращается в конфедерацию, исключен приход нацистов к власти (на Западе), невыносимый новый захват колоний. В не-

давнем прошлом даже представить себе было невозможно такие явления нашего времени, как создание ООН, принятие Всеобщей декларации прав человека, международных правовых пактов, интернациональное правозащитное движение, добровольное освобождение колоний, успешная борьба с расизмом, развитие системы социальной защиты, мощные профсоюзы (в Западной Европе) и еще многое другое.

Все это в сумме, пришел я тогда к заключению, не что иное, как начало выхода человечества, прежде всего западных стран, из эпохи Средневековья, и датировать начало этого выхода надо 1945 годом. Невиданная оргия насилия в первой половине XX века не прошла бесследно — ужаснула людей, стала апогеем и, надо надеяться, началом конца средневекового варварства. Появление апокалипсического ядерного оружия довершило отрезвление людей. Они поняли, что больше нельзя жить по законам джунглей, как во внутренних, так и в международных отношениях.

Процесс выхода из Средневековья идет, конечно, не гладко, со срывами, его тормозит существование множества отсталых, нищих и полунищих стран с авторитарными режимами и тоталитарного, ядерного Советского Союза. Начался в те же годы и противоположный негативный процесс — становление всемирной экономической империи капитализма, транснациональных корпораций, то, что сейчас называется глобализацией. И все же движение западных стран из Средневековья к правовому, цивилизованному существованию имеет, убежден, огромное значение для будущего человечества.

Крайне левые не допускают мысли, что правовые порядки могут действовать вопреки интересам капитала, особенно при серьезных для него угрозах. Они не осознают колоссального значения инерции во всех сферах жизни человека и общества и потому не видят, не понимают, что правовые порядки вкупе с другими институтами демократии уже начинают жить самостоятельной, не зависимой ни от кого и ни от чего жизнью. Примеры тому и победоносная борьба в США против вьетнамской войны, и «ирангейт», и разгром в Италии руками судебной власти партии Христианских демократов, партии крупного капитала, бессменно правившей страной с конца войны.

И мыслимо положение, что правовые порядки так глубоко укоренятся в сознании людей, что станет реальным правовой путь для установления строя синтезного социализма — с помощью выборов, референдумов, принятия соответствующего законодательства, иначе говоря, с помощью мирной и демократической революционной перестройки. Путь, как я уже говорил, единственно возможный для установления такого строя.

Вернусь к нашим националистам. Я предполагаю, что они ненавидят современный Запад, именно потому, что чувствуют, что развитие и укоренение правопорядка в мире лишает их почвы под ногами. У Солженицына, например, очень часто прорывается свирепая ненависть к праву, которому он противопоставляет мораль, утверждая, что господство права на Западе способствует торжеству аморальности.

У нынешних ненавистников Запада, живущих в России, имеется еще целая гамма других мотивов для такой ненависти, начиная с зависти к благополучию Запада и злобы из-за его якобы победы в холодной войне. Хотя, на мой взгляд, это была победа России — то, что она вышла из этой войны.